

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ
ПО БЕЗОПАСНОСТИ

Александр Иванович Гуров

К термину «профессиональная преступность» наш читатель еще не привык: очевидно, мало пишут. Зато о мафии – ежедневно, будто в стране и нет других форм преступной деятельности.

Между тем для гражданина постоянную угрозу представляет не организованная преступность (она подрывает экономику и власть), а именно профессиональная. Например, в США в начале 70-х годов провели опрос населения, который показал, что 80% граждан мафия не волнует, они больше опасаются грабителей, мошенников, аферистов, вымогателей и насильников. Именно о них и пойдет речь в этой статье, только с позиций криминального профессионализма как особого вида преступной деятельности.

Ретроспективный анализ проблемы

Одним из малоисследованных вопросов криминологии оказалась проблема профессиональной преступности, хотя интерес к ней не иссякал со времени ее появления на страницах юридической литературы.

Впервые тип профессионального преступника был выделен в классификации правонарушителей, принятой на Гейдельбергском съезде Международного союза криминалистов в 1897 г. Понятие «профессиональный преступник» криминалисты связывали прежде всего с таким признаком, как упорство и нежелание преступника отказаться от совершения преступлений. Так начинался научный подход к изучению особого рода правонарушителя. В практике же борьбы с преступностью тип профессионального преступника и сам термин «профессиональный» появились значительно раньше. Уже в конце XVIII в. начальник парижской тайной полиции Ф.Э. Видок называл професси-

ональными преступниками тех, кто систематически совершал кражи, мошенничества и другие преступления против собственности, достигая при этом известной ловкости и мастерства.

Русские правоведы (С. Познышев, И. Фойницкий) выступали против употребления термина «профессиональный», но большая часть ученых считала название удачным. В целом же терминология в отношении профессиональных преступников была не выдержана – их называли «привычными», «упорными», «хроническими», «неисправимыми».

Начиная с Ч. Ломброзо исследователи отмечали в поведении профессиональных преступников стойкий паразитизм, хитрость, стремление к позерству, татуировкам, взаимовыручке. Обращали внимание и на особый тайный язык (арго).

К профессиональной преступности, определение которой не давалось, они относили отдельные виды имущественных преступлений, совершаемых преступниками-профессионалами.

В дореволюционной России, как, впрочем, и других странах Европы, в борьбе с «неисправимыми» применялись специальные меры – клеймение, вырывание ноздрей, обрезание кистей рук. Практиковалось создание поисковых групп сыщиков, облавы и т.д. В более позднее время успешно использовались регистрационные криминалистические бюро.

Однако отмечалось, что количество профессиональных преступников по отношению к основной массе правонарушителей было относительно невелико. В России конца XIX – начала XX века полиция С.-Петербурга ежегодно задерживала 200–300 профессиональных бродяг, свыше 1000 воров, из которых четвертая часть была ранее судима. Специальный рецидив как один из показателей профессиональной преступности был высок среди лиц, судимых за кражу, – 51%.

Преступный мир был тогда неоднобразен. На свободе действовали «громилы» (грабители), «медвежатники» (мошенники), «ерши» (магазинные воры), «фармазонщики» (мошенники) и т. д. У воров, например, имелось 25 специальностей и соответственно специалистов.

На каторге в конце XIX века также утвердились соответствующие неформальные группы («масти»). Осужденные подразделялись на «иванов», «храпов», «игроков», «шпанку», «сухариков», «асмадеев». Каждая группа имела свою криминальную нишу.

После революции 1917 года точки зрения на рассматриваемую проблему были разными, но сходились в одном: данный вид преступности охватывает лишь корыстные преступления, преступник-профессионал – это то лицо, которое неоднократно совершало преступление одного и того же вида.

В 20–30-е годы прошлого века уголовный мир, сохранив криминальную основу дореволюционной России, пополнился многими иными категориями преступников и преступлений. Появилась и новая неформальная группировка – «воры в законе», которая сформировалась из рецидивистов, преимущественно карманных воров¹. После ликвидации (начало 30-х годов) криминальной науки профессиональная преступность не изучалась вплоть до середины 80-х годов.

Не нашла своего четкого отражения проблема профессиональной преступности и в зарубежной криминологии. Причем, по мнению некоторых специалистов (И. Петерилья), она вообще не поддается универсальному определению.

В советский период профессиональная преступность либо полностью отрицалась, либо обозначалась как «рудимент», или «атавизм», прошлого. В уголовном розыске, к сожалению, забыт был даже сам термин «профессиональный преступник».

Однако исследования специального рецидива, способов совершения преступлений, криминальной субкультуры (жаргон, татуировка, блатные песни), проводившиеся безотносительно к понятию профессиональной преступности, фактически указывали на ее признаки. В последнее десятилетие ряд известных криминологов (Карпец И.И., Кузнецова Н.Ф., Автонян Ю.Н., Алексеев А.И., Долгова А.И., Хохряков Г.Ф.) высказались о наличии в российской преступности самостоятельного ее вида – профессиональной. (Я благодарен им за поддержку моих научных взглядов в непростой политической обстановке 1972–1989 гг.).

¹ См. более подробно: Гуров А.И. Профессиональная преступ-

ность: история и современность. М., 1990 г., с. 55–73.

Понятие профессионально-преступной деятельности

На объективность понятий «профессиональный преступник», «профессиональная преступность» повлияло, очевидно, не совсем привычное терминологическое обозначение специфического криминального поведения: ведь в социальном значении «профессия» – это полезное и официально разрешенное занятие. Для обозначения противоправной деятельности, атрибуты которой абсолютно сходны с признаками профессии, мною был введен в оборот термин «криминальный профессионализм». Поскольку «профессионализм» означает «занятие чем-либо как профессией»¹, то, на мой взгляд, он больше подходит для понимания столь специфического поведения. В криминологической литературе предпринимались попытки рассматривать профессиональную преступность через понятие «неопроефессионализм». Такой подход окончательно запутывает проблему. Никто же, в самом деле, не называет современного сапожника «неосапожником»: меняются лишь условия преступной деятельности, сам же вид криминального «мастерства» остается.

Поэтому к понятию профессиональной преступности следует подходить через уяснение сущности профессии вообще.

Под ней, как известно, понимается род трудовой деятельности (занятий), требующей определенной подготовки и являющейся источником существования². Таким образом, выделяется три признака профессии – *род занятий, определенная подготовка и получение материального дохода*. Но она имеет также социальное содержание, носителем которого выступают конкретные люди. Они формируют микросреду, отношение к ней, поддерживают и развивают престижность своей профессии и коллектива, вырабатывают профессиональную лексику и этику поведения. Отсюда, на мой взгляд, следует четвертый признак профессии – *связь индивида с социально-профессиональной средой*.

Важно также учитывать, что в рамках понятия профессии существуют такие категории, как «специальность» и «квалификация». Первая содержит комплекс теоретических знаний и практических навыков, создающих возможность заниматься какой-либо работой, вторая – определяет качество подготовки специалиста в целом.

Если указанные выше признаки профессии внешне проявляются в противоправной деятельности, то ее можно отнести к преступно-профессиональной, иными словами, к криминальному профессионализму. Под ним, на мой взгляд, понимается *разновидность преступного занятия, являющегося для субъекта источником средств существования, требующего необходимых знаний и навыков, обуславливающего определенные контакты с антиобщественной средой*.

Как видно, данное определение содержит четыре признака криминального профессионализма:

- а) устойчивый вид преступного занятия (квалификация);
- б) определенные познания и навыки (квалификация);
- в) преступления как источник средств существования;
- г) связь с асоциальной средой.

Каждый из перечисленных признаков содержит присущие ему элементы, через которые он проявляется в противоправной деятельности.

Криминальный профессионализм обусловлен систематическим ведением антиобщественного образа жизни, совершением преступлений в виде промысла, в связи с чем он объективно образует какой-то массив деяний, который в целом нельзя отнести ни к одному известному виду преступности – рецидивной, групповой, одиночной и т.д.

Поэтому совокупность преступлений, совершенных профессиональными преступниками, и будет именоваться профессиональной преступностью.

¹Словарь русского языка. В четырех томах. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1983, т. 3, с. 540.

²В других определениях – «обычно источником существования». См.: Словарь русского языка.

В четырех томах. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1983, т. 3, с. 540.

Практическая сторона анализируемой проблемы

Исследование криминального профессионализма и профессиональной преступности имеет важное практическое назначение.

Во-первых, для реализации уголовной политики как составной части политики государства в целом для обеспечения общественной безопасности. Здесь, очевидно, следует говорить о «направлении главного удара» правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Во-вторых, для познания и оценки состояния преступности в стране, регионе и повышения эффективности борьбы с ней, а также прогнозирования отдельных видов преступной деятельности, принятия упреждающих организационно-управленческих и тактических решений.

В-третьих, разработка данной проблемы связана с совершенствованием некоторых положений уголовного права – определением дифференцированной ответственности преступника профессионального типа, оценкой общественной опасности личности по соответствующим признакам объективного и субъективного характера, детализацией отягчающих обстоятельств, конструированием отдельных уголовно-правовых норм, направленных на усиление борьбы с устойчивой преступной деятельностью.

В-четвертых, она имеет непосредственную связь с разработкой новых и конкретизацией уже используемых форм и методов предупреждения, раскрытия и расследования преступлений применительно к особенностям преступно-профессиональной деятельности тех или иных категорий преступников.

В-пятых, эта проблема связана с изменениями пенитенциарной практики в отношении отдельных групп профессиональных преступников, поскольку большой удельный вес специального рецидива, особенно многократного, существование в местах лишения свободы различного рода неформальных группировок свидетельствуют о серьезных недоработках в организации исправления и перевоспитания осужденных.

Практическая значимость изучения криминального профессионализма, разумеется, не ограничивается только этими вопросами. Немало проблем возникает также в оперативной работе органов внутренних дел – совершенствования структур отдельных служб системы МВД России, организации работы по взаимодействию с органами прокуратуры, ФСБ, Федеральной службой налоговой полиции, Министерством юстиции.

Признаки криминального профессионализма в современной преступности

Криминальный род занятий – специализация обуславливается систематическим совершением однородных преступлений, что вырабатывает у преступника определенную привычку, переходящую затем в норму поведения с четкой установкой на разработанную им деятельность. Об этом, например, говорит показатель специального рецидива, а в нем – многократного, наиболее рельефно отражающего специализацию в уголовной среде. По данным выборочного исследования, специальный рецидив воров-карманников, квартирных воров, мошенников и грабителей колеблется на протяжении многих лет от 60 до 80%.

Небезынтересно отметить, что среди квартирных воров около 40% имели три и более судимостей только за кражу с проникновением в жилище, среди карманных воров (рецидивистов) – 70% их были судимы три и более раза за совершение именно карманных краж. Однако среди профессиональных преступников весьма значительно число лиц, не привлеченных по ряду причин к уголовной ответственности. Установлено, что несудимых профессионалов достаточно много среди карточных мошенников и «наперсточников», рэкетиров, лиц, совершающих экономические преступления, занимающихся незаконным оборотом

наркотиков, антиквариата. Практически латентными остаются преступления, связанные с торговлей «живым товаром», сутенерство. Для наглядности приведу собственное наблюдение образа жизни карточных мошенников, состоявших на учете в 115-м отделении милиции г. Москвы еще в 1970 году (из них больше половины ранее не судимы).

На протяжении последних 25 лет мошенники систематически занимались противоправной деятельностью. Вместе с тем за это время из 300 шулеров к уголовной ответственности за игорный обман было привлечено лишь несколько человек. В течение этого времени многие шулера усовершенствовали свою преступную деятельность, стали уголовными «авторитетами», хранителями воровских касс или организаторами преступных группировок.

Поэтому другим показателем избранного рода противоправного занятия выступает «криминальный стаж», когда лицо, не попадая в поле зрения милиции, длительное время совершает однородные преступления.

Общий рецидив в большинстве видов корыстных преступлений довольно высок и колеблется от 50% до 85%. Это своеобразный резерв профессиональной преступности.

Среди преступников-профессионалов очень высок удельный вес лиц, не занятых полезным трудом: порой он достигает почти абсолютного показателя 90%.

От криминальных познаний и навыков (квалификации) зависит степень подготовки преступника

Отдельные виды преступлений, такие как кража сумок из автомобилей в присутствии их владельца, карманные кражи, карточное мошенничество, мошенничество с помощью игры в наперсток, денежной или вещевой «куклы», размена денег и некоторые другие, вообще не могут быть совершены без использования специальных приемов. Помимо этого, преступникам приходится также усваивать систему условных сигналов («маяков»), которые подаются жестами, движением головы, мимикой. Поэтому совершенно прав И.И. Карпец, писавший, что без тренировки и специального обучения не может быть карманного вора. Мною установлено, что на приобретение необходимых навыков начинающий карманный вор затрачивает около шести месяцев.

В преступной деятельности, так же, как и в любой иной, наблюдается профессиональное разделение труда, или специализация. Действительно, кражи, например, включают более 20 разновидностей, каждая из которых в свою очередь имеет еще более мелкие спецификации, связанные с подготовкой того или иного вора.

Небезынтересно хотя бы кратко проанализировать проявление специализации в криминальной практике.

Например, карманники подразделяются в зависимости от места действий на «рыночников» (воруют на рынках), «кротов» (в метро) и т.д. По способу различаются восемь воровских квалификаций (крадущие с помощью технических средств – «технари», с помощью прикрытия – «ширмачи» и т.д. Среди них существуют еще более мелкие квалификации. Например, карманник, принимающий похищенное («пропальщик»), вор, отвлекающий жертву («тырщик»), обучающий новичков («козлятник»).

Чем выше квалификация, тем интенсивнее преступная деятельность. В среднем карманник-профессионал совершает до 25–30 краж в месяц. Только в пяти случаях из ста потерпевшие догадываются о совершенной у них краже.

К одной из распространенных специальностей относятся кражи имущества с проникновением в жилище. Постоянные навыки и специализация в способах преступлений наблюдались у половины обследованных квартирных воров, при этом свыше 25% из них совершали кражи тождественным способом, вплоть до деталей.

К основным криминальным специальностям квартирных воров относятся кражи, совершаемые с помощью воровского инструмента; с подбором ключей; путем взлома либо выбивания дверей и дверных коробок; через форточку; под видом посещения квартиры должностным лицом, оказания помощи и т.п.; с использованием виктимологического фактора (открытых дверей, окон).

Каждый из указанных способов имеет специфические приемы проникновения в жилище, на основании чего квартирных воров дифференцируют в уголовной среде на более мелкие виды – «хвостовщиков», «обходчиков», «балконщиков», «сычей», «крысоловов» и т. п.

Что касается мошенников, то здесь можно выделить около 50 категорий «специалистов», среди которых наибольшим профессионализмом отличаются шулера, «наперсточники», «кукольники», «кидалы», а также лица, специализирующиеся на банковских аферах и посредничестве.

В последние годы стала распространенной квалификация преступников в так называемой сфере криминальных услуг. Помимо скупщиков и сбытчиков краденого, появились информаторы-«наводчики», продающие необходимые сведения, и т.д.

Отмечается также, что в отличие от традиционных профессиональных преступников современные обнаруживают устойчивую тенденцию к универсализации криминальных действий. Так, карманный вор может успешно обыгрывать в карты и совершать квартирную кражу. Аналогичное явление отмечают и криминалисты других стран.

Преступление как источник средств существования – предполагает определенный доход, который имеет то же содержание, что и доходы любого человека. Различие состоит лишь в способе его получения. Поэтому допустимо говорить о преступном промысле и рассматривать его в качестве основного либо дополнительного источника существования. Преступная деятельность зачастую является не только источником существования, но и накопления первичного капитала.

Исследование показало, что как основной, так и дополнительный противоправный доход профессиональных преступников весьма значителен: среднемесячный доход отдельных их категорий колеблется от нескольких десятков тысяч до нескольких миллионов рублей.

Отмечается, что профессиональные преступники имеют также общие денежные фонды (на жаргоне – «общаки»). Подобные криминальные банки есть как в местах лишения свободы, так и вне их.

В последние годы органами внутренних дел не раз изымались подпольные кассы взаимопомощи. Механизм поступления в них денег хорошо отработан.

Связь индивидуума с асоциальной средой (субкультурой)

Систематическое ведение антиобщественного образа жизни со всеми его последствиями вызывает у лица вполне естественную психологическую потребность в общении с той средой, которая близка к его собственным ориентациям и установкам. В ней он находит моральные стимулы и опыт, в ней он старается обеспечить относительную свою безопасность. Было замечено, например, что в местах лишения свободы осужденные консолидируются в зависимости от совершения преступлений.

Связь преступника с криминогенной средой ярче наблюдается в формах его общения. Он может состоять в преступной группе, посещать места сборищ преступных элементов, поддерживать связь с отдельными рецидивистами и т.п.

Особенно ярко это проявляется опять же у карманных воров, мошенников, рэкетиров, которые совместно в пределах района, города, области собираются (сходка, «правилка», «разбор») и обсуждают те или иные возникающие вопросы.

Современная уголовная среда имеет достаточно четкую стратификацию (расслоение). Например, она делится на «воров в законе», «шестерок», «обиженных», «опущенных». При этом каждый такой «слой» подразделяется на еще более мелкие категории.

Так, «воры в законе» делятся на новых и «старых» («нэпманских»), на российских и «лаврошечников» (из районов Закавказья) и т.д. Обнаружилась тенденция расслоения по религиозному признаку.

Большую роль в установлении криминальных связей играют традиции, «законы» и иные неформальные нормы поведения профессиональных преступников, которые выступают своеобразными регуляторами отношений. Положения многих норм имеют общероссийский статус (например, штрафные санкции за те или иные нарушения). По-разному они действуют в местах лишения свободы и вне их.

Важными дополнительными элементами связи индивидуума с асоциальной средой является знание преступниками специального *жаргона, татуировок, манера поведения*.

Сопоставление словарей «блатной музыки», изданных в дореволюционной России, с современным жаргоном обнаружило существенные количественные и качественные лингвистические изменения. Однако жаргон некоторых категорий преступников по лексике и функциям остался прежним. Жаргон насчитывает около десяти тысяч слов и выражений. В целом его можно разделить на три основные группы:

- 1) общеуголовный жаргон, которым пользуются как обычные преступники, так и профессиональные;
- 2) «тюремный» жаргон, характерный для мест лишения свободы;
- 3) специально-профессиональные жаргоны, которые типичны только для профессиональных преступников. Например, у карманных воров насчитывается около 400 специальных терминов, отражающих специфику их деятельности, у карточных мошенников – 200, у воров-антикварщиков – около 100, у распространителей наркотиков и рэкетиров столько же. Появился специальный сленг рэкетиров, сутенеров, наемных убийц.

Поскольку жаргон преступников – не что иное, как профессиональная лексика, которая сродни профессиональной лексике музыкантов, моряков, сапожников и т.п., то это играет не только коммуникативную, но вспомогательную роль. В 50% случаев совершения преступлений к нему прибегают карманные воры, в 70% – карточные мошенники. Другие группы воров также знают жаргон, но пользуются им больше при общении друг с другом, чем при совершении преступлений (нет необходимости). Наличие специального жаргона является ярким свидетельством профессионализации отдельных групп преступников.

Исследование показало, что подавляющее большинство рецидивистов, а также лиц, длительное время занимающихся преступной деятельностью, имеют *клички*, которые предназначены для сокрытия имен в целях обеспечения конспирации. Как правило, воровские клички производны от фамилий, физических и психических особенностей личности. Кличка – это своего рода краткая, но очень меткая характеристика, она остается за преступником даже в том случае, если он изменил фамилию и перешел на нелегальное положение.

Татуировки в настоящее время – явление, весьма распространенное среди уголовных элементов. Даже среди лиц, впервые осужденных, удельный вес татуированных достигает 60%. Однако в целом татуировки не играют сейчас той коммуникативной роли, которая отводилась им до конца 50-х годов.

Роль уголовных традиций и обычаев в воспроизводстве профессиональной преступности

Каждое преступление, каждый вид преступления имеет свои признаки. Определить их бывает нелегко и тем более сложно вычлнить «революционную» причину профессиональной преступности. Я это попытаюсь сделать.

В учебнике «Криминология», изданном в 1998 году в Санкт-Петербургской академии МВД РФ, в главе 20 (о профессиональной преступности), к сожалению, почти дословно или близко к тексту переписанной с моей монографии «Профессиональная преступность: прошлое и настоящее» (изд. 1990 г.), авторы восклицают:» Мы не согласны с А.И. Гуровым, что одной из

основных причин профессиональной преступности являются противоречия в распределительных отношениях. Это было правильным в советском обществе, но сейчас? Сейчас на первый план выходят другие причины». (Я никогда не называл эту причину главной).

«Какие же?» – спрашиваю я. Оказывается, по мнению авторов, многие хотят жить, как новые русские.

Вот, оказывается, какая выявлена теоретиками новая причина профессиональной преступности. А какая же была, например, при Ваньке Каине – мастере воровского ремесла середины XVII века? Хотел жить, как бояре? Увы, к этому он не стремился. Одной корыстью и желанием жить, как новые русские, профессиональную преступность не объяснить. К тому же корыстная мотивация наблюдается и в действиях случайных преступников.

Изучая на протяжении более 30 лет профессиональную преступность, я смог убедиться в существовании специфической ее причины – уголовной субкультуры.

Профессиональная преступность существует не один век. Она связана с деятельностью людей, передачей опыта поколений преступников, формированием специфической субкультуры, которая с течением времени превращается в специфические нормы поведения – обычаи, традиции.

Уголовно-воровские традиции включают в себя довольно широкий круг неформальных правил поведения: статус в уголовной среде, своеобразная лексика, символика, татуировки, блатные клички и песни, манера поведения.

Есть все основания полагать, что профессиональные преступники, образуя некое кастовое сообщество и находясь вне закона, вырабатывают такие нормы межличностных отношений, которые способствуют не только их безопасности, но и воспроизводству.

Например, в дореволюционной России от профессионального преступника требовалось, чтобы «он был человеком твердого нрава и несокрушимого характера, был предан товарищу, общине, был ловок на поступки и умел концы хоронить, никого не задевая и не путая»¹. Это требование полностью сохраняется в среде профессиональных преступников наших дней, особенно у «воров в законе» и членов организованных преступных сообществ.

Живучесть уголовно-воровских традиций объясняется, главным образом, их постоянным воздействием на сознание преступников. Причем степень их активности усиливается при появлении в обществе противоречий, ослаблении в нем моральных институтов. Воздействие злостных традиций невозможно измерить или выявить статистическим путем, но они хорошо видны в жизни. Так, всплеск «бандитствующих группировок молодежи» в 80-е годы в г. Казани имел под собой не «дворовые» (как это казалось вначале) отношения, а вполне определенную причину – сбор денег для оказания помощи («грева») лицам, находящимся в местах лишения свободы.

Традиции профессиональных преступников передаются со времен Ваньки Каина (некоторые идут еще от волжских разбойников) из поколения в поколение. Разумеется, они обновляются, при этом видоизменяются. Их носителем выступает сама среда, особенно в местах лишения свободы – этих «университетах» преступности. Живучесть уголовно-воровских традиций – объективное явление, обусловленное ответной реакцией профессиональных преступников на социальный контроль общества. Характерно, что лица, никогда до осуждения не сталкивавшиеся с «правилами» поведения осужденных, начинают их усваивать с момента поступления в следственный изолятор. К основным из них (первоначальным) относятся: не работать в запретной и жилой зонах, жить «мужиком», не вступать в актив, не выполнять требования администрации, не общаться с «опущенными» и т.п. В исправительной колонии уже свои правила. В итоге многие осужденные усваивают определенные модели поведения, устанавливая тесные связи с профессиональными преступниками, стараются им подражать.

Исследование показало, что среди несовершеннолетних осужденных имеется, по существу, та же иерархия, что и у взрослых, только с более жесткими правилами поведения. Сре-

¹Максимов С.В. Сибирь и каторга. Несчастные. М., 1908, с. 13.

ди них свои «воры в законе», «борзые», «шестяные», «опущенные» и «обиженные». Причем, как и среди право послушных граждан, у криминогенной части молодежи наблюдается стремление к достижению определенного статуса в своей микросреде. Начиная преступник всегда стремится к подобной перспективе, ориентируясь на какую-то определенную знаменитость. По данным ряда исследований, до 5% подростков были привлечены к уголовной ответственности за преступления, аналогичные тем, что были совершены ранее судимыми лицами из их окружения. По моим данным, 60% карманных воров начали воровать в возрасте 16 лет под воздействием блатной романтики, которой заразили их уголовники-профессионалы.

Следует отметить, что большая часть неформальных норм поведения связана с функцией защиты преступной среды. Отсюда – клятвы, разного рода запреты, санкции за их нарушение. Причем среди несовершеннолетних они имеют более жесткую императивную форму.

Стабильность уголовно-воровских традиций, обычаев поддерживается также на общебытовом уровне. Пример тому – живучесть многих жаргонизмов и воровских песен. Это отмечалось еще дореволюционными учеными: «Разбойники, гулявшие по Юго-Восточной Украине, – писал Л. Белогриц-Котляревский, – воплощали в себе идеал свободной жизни русского простолюдина XVII столетия: он тянулся к этому идеалу своим душевным миром, он олицетворял в известных образах и запечатлел в народных песнях».

В наши дни, как известно, существуют тематические телепередачи, группы музыкантов, где, по существу, воспевается жизнь профессионального преступника, страдальца за правду, и все это, разумеется, на фоне «злых» прокуроров, поганых ментов. «Идет конвой», «Мурка», «Будь проклята ты, Колыма» и другие блатные песни звучат сегодня так, как не звучали во времена НЭПа (20–30-е годы). При этом блатные направления в так называемом искусстве начинаются своеобразной идеологией и смыслом. Неслучайно жаргон и воровские песни весьма распространены в среде несовершеннолетних правонарушителей и имеют большое значение на первоначальной стадии самоутверждения личности. Очевидно, не является случайным и то, что больше половины их из подражания. Причем в беседах с преступниками молодежного возраста выяснилось, что каждый второй из них знает символы татуировок, может расшифровать аббревиатуры, объяснить значение «звезд» и «перстней». Что касается жаргона, то подавляющая часть обследованных преступников из числа несовершеннолетних знала не только общеуголовный жаргон, но и профессионализированный (карманного вора, наркомана, рэкетира и т.п.).

Живучесть уголовной субкультуры зависит от многих социальных условий, являющихся своеобразным катализатором криминогенных процессов.

Факторы, способствующие профессиональной преступности

К основным социальным условиям, способствующим живучести криминального профессионализма, следует отнести:

- 1) противоречия в распределительных отношениях при советском строе;
- 2) противоречия в рыночной экономике;
- 3) ослабление нравственных и социальных институтов;
- 4) недооценка общественной опасности профессиональной преступности и ее последствий.

Несовершенство распределительной экономики при социализме (профессиональная преступность зародилась не сегодня) относилось к числу объективных явлений, поскольку действовал принцип «от каждого – по способности, каждому – по труду». Поэтому неравенство материального плана – явление закономерное, ибо общество без учета трудовой отдачи граждан не могло их обеспечить в равной мере. Но такое неравенство не вступало в конфликт с принципами социальной справедливости. Была опасна другая форма неравенства, когда от-

дельные граждане тем или иным способом обирали общество, жили прямо или косвенно за счет правопослушных граждан.

Именно на этой основе произошел серьезный сдвиг к качественно новому состоянию общественной психологии, когда критериями социального успеха стали все чаще выступать уровень материального благополучия, занимаемое положение, протекционизм и коррупция.

Бесхозяйственность и отсутствие должного контроля, разложение партийной верхушки и исполнительной власти вели к активизации расхитителей государственного имущества, которые стали превращать отдельные отрасли народного хозяйства в источник своего обогащения. Это деморализовало значительную часть граждан, многие из которых стали ориентироваться и жить по принципу: «им можно, а нам нельзя?».

Переход к рыночной экономике обратился другой противоположностью, заключенной в формуле: «что не запрещено, то разрешено» или «кто больше хапнет». Стало быстро расти искусственное расслоение на богатых и бедных. Причем первые составляли не более 7%, но захватили в результате противозаконной приватизации (это отмечали на сессии ОБСЕ, проходившей на Кипре в 2000 году, представители многих постсоветских республик) большую часть материальных ценностей, принадлежащих остальным 93% граждан России. Появилась безработица, эксплуатация человека в прямом смысле слова. Положение усугубилось практически полным развалом промышленности и сельского хозяйства: 50% продукции стали завозить из-за рубежа. В течение 10 лет в офшорных зонах было создано 60 тысяч предприятий с российским участием, началась великая гонка по отмыванию денег, полученных незаконным путем. Из страны за это время были вывезены сотни млрд. долларов США.

Возникли беспризорность, заметно приросли наркомания, проституция.

Эти и другие условия явились мощным стимулятором преступной деятельности: за 10 последних лет к уголовной ответственности привлечено 15 млн. человек.

Такое положение обусловлено *ослаблением социальных и нравственных институтов*, что прежде всего проявилось в снижении социальной роли семьи, культуры, изменении взглядов на морально-нравственные ценности, провозглашении культа силы и денег, делающих человека «крутым» и независимым. При деформации общей культуры закономерно укрепляется и развивается ее антипод – субкультура, которая воспринимается и усваивается, особенно уголовно-воровская: в ней заложено все: и крутизна, и деньги, и красивая жизнь, и т.д.

Думаю, что все это сыграло не последнюю роль в притоке молодежи в преступность. Если в 60-е годы криминологи отмечали некоторое старение корыстного преступника, особенно воровской ориентации, то теперь наблюдается обратное.

Отсутствие серьезного анализа состояния профессиональной преступности создавало видимость благополучия в борьбе с преступностью, вообще не позволяло принимать правильных управленческих решений. Нельзя забывать, что в нашей стране проблема профессиональной преступности была под запретом более 50 лет. Из числа проинтервьюированных в конце 80-х годов работников органов внутренних дел 73% их назвали одним из основных условий ослабления борьбы с профессиональной преступностью – невыгодность и боязнь огласки ее существования. В последние годы наблюдается обратная реакция – забвение этого вопроса по причине отсутствия вообще какой-либо боязни или ответственности за состояние профессиональной преступности. По существу, исключены из деятельности органов внутренних дел такие важные направления работы, как личный сыск, криминальная разведка в местах возможного сбыта похищенного, оперативная работа по профилактике преступлений несовершеннолетних (ликвидированы даже подразделения), раскрытие преступлений прошлых лет и др. Крайне неэффективно организовано предупреждение специального рецидива. Нет четкой уголовно-правовой политики. Правоохранительные органы стали именоваться силовыми, и мы наблюдаем их ничем не оправданную милитаризацию, сходную с подготовкой к подавлению разве что пугачевского бунта.

По-прежнему в основе оценки работы стоит количественный показатель раскрываемых преступлений (больше или меньше). Это приводит к массовому сокрытию преступле-

ний от учета: ежегодно регистрируется около трех млн. преступлений, а в действительности их совершается 15–20 млн. В уголовном законодательстве крайне слабо отражена проблема профессиональной преступности. Профессиональная преступность даже не учитывается при определении наказания.

Формы и методы работы правоохранительных органов в целом существенно отстают от качественных изменений профессиональной преступности. Обстоятельств здесь много. Но особенно тяжело отражается на борьбе с профессиональными преступниками нарушение преемственности поколений сотрудников правоохранительных органов, преимущественно милиции. Например, массовые увольнения личного состава милиции и прокуратуры наблюдались в 50-х, конце 60-х и начале 80–90-х годов. Аналогичная ситуация наблюдается и сегодня. Пришедшие на смену не имеют опыта и, что греха таить, многие ориентированы на другое – обогатиться. В большей мере пострадали оперативные подразделения, где работа, по выражению И.Н. Якимова, есть не что иное, как оперативное искусство, которое по своей сущности близко к любому иному искусству.

Вместе с опытными сотрудниками уходило в прошлое знание уголовной среды, многие апробированные формы и методы борьбы с ней. Отсутствие стабильного ядра квалифицированных работников милиции является на сегодня одной из основных причин низкого уровня работы в борьбе с профессиональной преступностью. Положение усугубляется развившейся в правоохранительной системе коррупцией, существенно подрывающей основы конспирации в оперативной работе (не только).

В стране не создано качественной информационно-аналитической базы, позволившей бы учитывать профессиональных преступников, следить за их движением и оценивать криминогенную обстановку по этой линии работы. В целом в ряде республик и областей упразднены оперативно-поисковые подразделения, занимавшиеся выявлением профессиональных преступников и их задержанием с поличным.

Все это вместе взятое создавало исключительные условия безнаказанности тех, кто стал жить за счет преступной деятельности.

Предупреждение профессиональной преступности

В предупреждении профессиональной преступности значительная роль отводится уголовному законодательству, поскольку речь идет о злостном типе преступления. Усилить борьбу с профессиональной преступностью можно через совершенствование института совокупности преступлений с целью максимальной индивидуальности наказания и правильной квалификации уголовных деяний.

Для усиления уголовной ответственности лиц, совершающих тождественные преступления, может быть использован квалифицирующий признак «совершение преступлений в виде промысла», а для объективной оценки содеянного, личности преступника и индивидуализации наказания – новое отягчающее вину обстоятельство – «специализация лица на совершении преступлений». Положительную роль мог бы сыграть закон о профилактике преступности.

Поскольку одной из причин воспроизводства профессиональной преступности является криминальная субкультура, то совершенно очевидно, что работа по нейтрализации уголовных традиций, обычаев, законов неформальных объединений отрицательной направленности должна вестись на основе специальной программы, включающей широкий круг проблем по содержанию, перемещению и перевоспитанию осужденных. В этой работе необходимо участие пенитенциарных социологов, психологов, специалистов по криминальной субкультуре. Поэтому важная роль отводится мерам социальной профилактики, проводимой исправительными учреждениями.

Для эффективной работы по контролю за профессиональными преступниками на территории России целесообразно иметь централизованный их учет по категориям («окраске»).

В национальной программе борьбы с преступностью было бы полезно иметь раздел о профилактике профессиональной преступности, предусмотрев в нем такие вопросы, как создание специализированных подразделений милиции, техническое их обеспечение, проработка новых форм и методов выявления и пресечения криминальной деятельности, учет и контроль за образом жизни потенциальных преступников, и другие.